

ПЕРЕД столом ректора консерватории стоит коренастый, плечистый, более чем скромно одетый деревенский паренек.

— Но, позвольте, — недоумевает маэстро, — почему вы сваливаетесь, как снег на голову, после начала учебного года?

— Раньше никак возможности не было, — упрямо твердит парень, — отцу помогал, семья, знаете. Очень большая семья. И кругом нехватки. Однако вы меня непременно примите.

— Откуда же вы такой взялись?

— Я из деревни Бабры. Не слышали? Это вблизи Прейли, в Латгалии. Красивые у нас там места.

Профессор улыбается.

— Ну хорошо. Допустим, мы вас примем. Но что же вы умеете, композитор из деревни Бабры? Покажите свое искусство! — маэстро кивает в сторону рояля.

— Я сочинил Маленькие прелюдии. Ходил к нашему органисту — у него есть пианино. И вот сочинил...

Парень начинает играть. Да, конечно, это не очень-то совершенная музыка. И все-таки... Профессор задумался, молчит. В кабинете словно ворвался свежий ветерок его собственного детства. Родные напевы. Родные ландшафты.

Крестьянский сын за консерваторским роялем. Первый латгалец в музыке.

Словом, решение было принято: с сего числа октября месяца 1924 года восемнадцатилетний Янис Иванов зачислен студентом младшего курса. Так как инструмента для упражнений он не имел, ему разрешалось музицировать с шести до девяти утра в пустых консерваторских классах. Да еще поздно вечером, после окончания занятий. Студент Иванов обязывался догнать сокурсников. Заниматься со всем прилежанием. А ректор решил для себя: непременно исподволь наблюдать продвижение вперед этого совершенно нестандартного сочинителя музыки.

Ни учитель, ни ученик не предполагали тогда, что дружба их — человеческая и творческая — будет крепкой, выдержит много испытаний и оборвется лишь со смертью прославленного композитора и педагога, организатора и руководителя Латвийской консерватории Язеп Витола. Ни учитель, ни ученик не знали тогда, что именно Янису Иванову предстоит возглавить новую, советскую школу латышского симфонизма. Не знали того, что имя композитора Яниса Иванова будет вписано во многие музыкальные справочники и энциклопедии, что музыка его зазвучит широко и мощно, неся славу не только латвийской, но и многонациональной советской культуре, поражая и завоевывая своей страстной экспрессией, современностью формы, масштабностью и глубиной философской мысли. Но Латгалия, синеокая, тихая красавица Латгалия навсегда останется с ним и в нем, в его симфониях и в его сердце.

В тот самый октябрьский день Янис Иванов сделал свой первый шаг к большой музыке.

Ах, как давно все это было! Как давно! Как много катастроф, трагедий, казавшихся совершенно непреодолимыми, преград нагромодила судьба на его пути! Он голодал, работал от зари до зари, пас скот. Потом зарабатывал уроками, уже став студентом, был репетитором

люди искусства

ИЗ СТРАНЫ БЕРЕЗОВОГО СИТЦА

Ольга МАКАРОВА

у девиц из богатых семей, тапером в крошечном оркестре «Гранд-кино», сопровождавшем немые фильмы. Работал неистово, яростно, до изнеможения. Едва добывал скудные латы на обед — о завтраке и ужине не мечтал. Догнал товарищей по курсу и обогнал. Окончил и старший курс, и «мастер-класс». Его наставником, учителем, идеалом оставался Язеп Витол.

Стал дирижером, пианистом, тонмейстером, радиорежиссером. И, главное, сочинял музыку.

В сороковом, когда латышский народ, наконец, взял власть в свои руки, Янис Иванов был уже признанным музыкантом. Его симфоническое сочинение «Поднебесная гора» открывало первый торжественный концерт, посвященный годовщине Великого Октября в свободной Риге.

А потом налетел военный шквал. И рухнули надежды. Фашистский стервятник разбомбил дом, в котором была нотная библиотека. В числе других сгорели все сочинения молодого композитора. А сам он, не успев эвакуироваться, остался с семьей в Риге, на которую надвинулись тучи ненастья. И снова тяжкие поиски заработка на кусок хлеба, на вязанку дров. Но даже в самые черные дни он слышал новые голоса, полные тоски и надежды, гордые и гневные. Эти голоса жили уже в его мозгу, в его сердце.

— Оставайтесь всегда самим собой, — учил его некогда Язеп Витол, — не старайтесь подражать кому бы то ни было. Будьте верны своей земле, своей мечте. Иначе вы погибнете для искусства.

Он помнил этот завет маэстро. И выжил.

— В самом деле, — рассуждает он сегодня, — кем бы я был, если бы не сохранил верность моей Латгалии? Отними у меня ее, и я про-

пал. Отрекись я от своего народа, и я перестал бы представлять какую бы то ни было ценность. Но ведь с чего начинается Родина? Для каждого она начинается по-своему. Для меня она началась с березки за озером.

— Родина — это понятие конкретное. Сначала озеро и березка. Земляки, трудовой пот которых заливают глаза в страду. Потом новые горизонты. Моим отчим домом стала огромная страна, чуть ли не целый материк — от Киршской косы до Курил. Но на пороге этого громадного дома, в котором я живу как хозяин и как ответчик за его чистоту и благоустройство, — на его пороге по-прежнему лежит маленькая синеокая моя Латгалия. Только песни сегодня она поет иные.

Видный общественный деятель, лауреат Государственной и республиканских премий, профессор, народный артист СССР, автор шестнадцати симфоний, трех инструментальных концертов, многих симфонических картин, произведений для фортепиано, духового оркестра, музыки для спектаклей и кинофильмов, композитор-философ, музыка которого всегда поражает своеобразием формы и чрезвычайной драматичностью, трагедийностью конфликтов. Через национальную конкретность образного языка говорит он сегодня масштабами интернационалиста. Говорит о Родине, о человеке, о коммунизме. Дерзко и могуче вторгается своим искусством в глобальные проблемы эпохи, утверждает истинный гуманизм, или, как он сам любит выражаться, патристический реализм.

...Впервые Янис Иванов по-настоящему увидел Москву только после великой Победы. Встреча с Шапориним. И первый вопрос: как он там, наш Иосиф Иванович Витол?

Мясковский, Прокофьев,

Шапорин — все они «крестные братья» Иванова, все они были учениками того же учителя, когда профессор преподавал еще в Петроградской консерватории. С какой искренней заинтересованностью отнеслась музыкальная Москва к латышскому композитору! Сразу же — заказ на симфонию. Янис Иванов вдохновенно выполнял его. Это была его Пятая симфония. Музыка тяжких воспоминаний и раздумий. Музыка гневного осуждения виновников войны, человеконенавистничества, нацизма. Музыка благородства и великодушия советского человека. Музыка о долге живых перед мертвыми, в том числе и перед любимым братом, павшим смертью героя в боях под Волоколамском. Это был гимн советскому солдату, защитившему цивилизацию и справедливость.

Шестая симфония, в сущности, продолжает, развивает те же мысли. Кровью своего честного сердца композитор создавал ее, свою Латгальскую шестую. В ней — чувство сыновней благодарности за спасение отчего дома от надругательства и разорения. В основе этой музыки — тема бесхитростной, нежной, пленительной народной песни «За озером белая береза...» Это сочинение было удостоено Государственной премии СССР.

Люди, берегите мир! — так можно было бы расшифровать идею ряда последующих произведений крупной формы. Вечно тревожная, вечная священная тема борьбы за мир на земле. Яркая, энергичная музыкальная образность и ясность цели. Сами названия говорят об интенсивности идейной жизни композитора — симфония Энергико, симфония Хумано, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, потом Камерная симфония для струнного оркестра, поражающая задушевной интонацией и глубиной психо-

логического самоанализа: симфония Ипсе — симфония о себе, о своем месте в современном обществе, о великой ответственности художника за ход истории, за создание нового мира.

А сегодня композитор живет мыслями о новом сочинении. Каким оно будет? Он еще не сел за рояль. Он еще не выносил, не выстрадал новую музыку. Он признает пока только одно: его семнадцатая будет посвящена современнику. Тому, кто победил тридцать лет назад. Тому, кто побеждает, ежедневно, ежедневно.

Музыка Иванова сложна. Но она обладает удивительной притягательной силой. Музыка Яниса Иванова — это синтез, это программа не только его собственной жизни, но и жизни целого поколения.

Какими он хочет видеть своих учеников? Он строг с ними. Он не терпит легких побед. Он считает, что советский композитор — это не только образованный человек, много знающий, в совершенстве владеющий всеми современными средствами образного языка. Это прежде всего личность. Гражданин, несущий миру правду своей музыкой. Если ты не понимаешь этой правды, если ты сам не дорос до нее, лучше молчи.

Некоторые считают Яниса Иванова человеком крутого нрава, прямолинейным, максималистом. Наверное, это так и есть. Только разве это плохо? Могучий и дерзкий, он многогранен: он бывает и тихим, и грустным, и нежным. Записав последний такт симфонии Энергико, ритмически особенно напряженной, полной мощного мажорного звучания, он вдруг почувствовал непреодолимый приступ элегичности. И экспромтом создал один из маленьких шедевров — Прелюд для фортепиано — нежный, скромный, пленительный латгальский пейзаж. Гладь голубого озера, замершего среди берез. И вдруг — капли, капли, капли начинающегося дождя...

Мне посчастливилось быть первой слушательницей этого прелестного прелюда. И мне было нелегко, обескураженной многомерностью могучего таланта композитора, очарованной его лирической чистотой, перейти к традиционным вопросам интервьюера. Но, что поделаешь, долг журналиста обязывает. И я задала свои традиционные вопросы.

— Как вы смотрите на молодежь?

— Люблю ее. Верю в нее. Строг с ней именно потому, что люблю.

— Ваши любимые композиторы?

— Бетховен, Моцарт. Бах. И Шостакович. За его могучий симфонизм.

— Что вы делаете в часы досуга?

— У меня таких часов не бывает. Когда я свободен от лекций, экзаменов, всяких заседаний, работы над новой музыкой, тогда я читаю.

— Ваши любимые писатели?

— Горький. За его земную, яростную любовь к человеку. Лев Толстой. За его тончайшее умение читать психологическую партитуру. Райнис. За его романтическую окрыленность. Есенин. За его умение слышать песни земли. Мы с ним оба, наверное, из одной страны. Из страны березового ситца.

РИГА.

● Народный артист СССР Янис Иванов.

Фото А. Рубашкина.